

НЕМЦЫ В СИБИРИ В 1920–1930 ГГ.

В. Бруль

В 1967 г. Л.В. Малиновский защищал в Томском университете кандидатскую диссертацию по теме «Немецкая деревня в Сибири в период социалистического строительства (1925–1936 гг.)». Вильгельм Фаст [1] задал Льву Викторовичу вопрос, почему соискатель так много времени и внимания уделил описанию неимоверных трудностей, которые испытывали партийные и советские органы при проведении социалистических преобразований среди немцев Сибири, и почему не было сказано ни слова о том, какие лишения и террор перенесли немцы от советской власти? На этот вопрос ответа не последовало (это было небезопасно). В. Фаста выпроводили тогда из зала. Однако проблема до сегодняшнего дня не потеряла свою актуальность и еще недостаточно исследована. Размер публикации не позволяет нам осветить вопрос во всех мельчайших подробностях. Поэтому остановимся на некоторых основных проблемах с условным соблюдением хронологии.

Согласно переписи населения 1920 г., в Сибири проживало 84 141 человек немецкой национальности [2]. По переписи населения 1926 г., в регионе жило 86 469 немцев. Они составляли 1% от всего населения Сибири и проживали в 16 округах на огромной территории от Тюмени до Иркутска. Однако более 65 из 86 тысяч немцев жили компактно в Славгородском и Омском округах [3]. В середине 20-х гг., по данным Сибкрайкома ВКП(б), в Сибири имелось 220 немецких населенных пунктов и 109 смешанных, в которых немцы составляли более 45% населения. Мennonитских поселений было 102 [4].

В 1934 г., по данным НКВД, в Западно-Сибирском крае проживало 58 997 немцев [5]. Хотя накануне и в 1934 г. переписей населения не проводилось, в НКВД имелись списки на всех немцев, так как они уже тогда находились под особым и постоянным контролем. Такой «чести» удостаивались немногие народы. Накануне войны, летом 1941 г., в Сибири жило, опять же по данным НКВД, 103 400 человек немецкой национальности [6]. Немцы, таким образом, не были в Сибири каким-то абстрактным явлением. Они существовали в реальной жизни и о их наличии было известно не только во властных структурах или службе безопасности. Немцы жили по соседству или вместе с представителями других национальностей, вступали с ними в контакты, производя определенное впечатление.

В работе с немецким населением советская власть с самого начала была обречена на многолетнюю конфронтацию и тяжелую кропотливую работу. Во-первых, потому что немцы Сибири в силу своего уклада жизни в абсолютном большинстве не могли принять идей большевиков. Во-вторых, немцы не знали русского языка. В 1921 г., по сведениям Славгородского уездного комитета партии, 60% немцев не понимало русского языка [7], в Рубцовском уезде таковых было 73% [8]. Говорить, а тем более писать по-русски не могла еще большая часть немецкого населения.

Такое положение само по себе приводило к изоляции значительной части немцев от окружавшей жизни, способствовало недоразумениям и конфликтным ситуациям. В отчете немсекции Омского губкома ВКП(б) за 1924 г. приводился случай, когда во время партийной конференции немцы стали разговаривать на родном языке. Однако один из русских делегатов стал кричать: «Если они хотят говорить по-немецки, пусть едут в Германию, там их место» [9].

В немецких селах языком межличностного общения по-прежнему оставался родной язык. Отсутствие адаптированных программ и учебной литературы, учителей русского языка как из числа немцев, так и русских, откладывало проблему овладения немцами русского языка на неопределенный срок. Изолированность немецких сел также не способствовала приобретению знаний русского языка. Хозяйственные же связи с русскими селами были редкими и осуществлялись лишь отдельными немцами из числа мужчин.

Изолированность немцев от русских, украинских, казахских поселков не следует рассматривать как что-то из ряда вон выходящее. Немцы жили изолированно и замкнуто и друг от друга. Лютеране, католики и меннониты жили своей обособленной жизнью и строго

следили за тем, чтобы не допустить в свои общины иноверцев, под которыми они понимали не только людей другой национальности, но и представителей других конфессий. Такому положению способствовал и запрет на межконфессиональные браки. Особенно характерно это было для меннонитов, считавших себя более высоким социальным сословием. Поскольку меннониты составляли значительную часть немецкого населения региона, это наложило свой отпечаток на развитие событий. Так, членами Всероссийского сельскохозяйственного меннонитского общества могли быть лишь меннониты [10]. Меннонит Д. Тиссен выразил свое отношение к смешанным бракам с учетом опыта прожитых лет так: «С медицинской точки зрения смешанные браки можно рекомендовать, поскольку раньше часто заключались браки между родственниками, что вредило действовало на потомков. Однако практика показывает, что в смешанных браках возникает больше затруднений между супругами. Для влюбленности раса и нация не имеют никакого значения, но потом, в практике жизни надо много мудрости и терпения для создания настоящей семьи» [11].

Окружавшее население и советская власть считали, что немецкие (особенно меннонитские) села и хозяйства в меньшей степени пострадали от Первой мировой и гражданской войн. 19 ноября 1921 г. Президиум ВЦИК принял постановление, в котором говорилось: «Предложить Наркомзему обратить особое внимание на культурные хозяйства меннонитов и принять меры к их поддержке» [12]. Однако декларации властей расходились с реальной жизнью.

В основанном в 1908 г. поселке Новопольский Омской губернии меннониты купили 680 га земли и создали образцовое хозяйство с племенным животноводством. Осенью 1921 г. жители окрестных русских деревень во главе с несколькими коммунистами, воспользовавшись отсутствием мужчин-меннонитов, пришли в Новопольское. Они заявили, что все меннониты занимаются наживой и обявили их имущество захваченным. При этом они вели беспорядочную стрельбу из ружей, запугивали женщин и детей. Губернский земельный отдел выдал «новым хозяевам» документы на владение меннонитской землей. Несколько раз повторялась процедура запугивания меннонитов, стрельба поверх голов из ружей и обрезов. Меннониты вынуждены были оставить свое село со всем житиями и мертвым инвентарем и переселиться у своих собратьев в других селах. В их прежние добрые дома переселились жители окрестных русских сел. Свою артель они назвали «Красное эхо». Попытки упол-

номоченного по делам меннонитских колоний Восточной России и Сибири добиться восстановления справедливости через высшие органы власти в Москве и Омске ни к чему не привели. Местные власти предложили меннонитам примириться со своими экспроприаторами. «Красное эхо» вскоре распалось. Имущество, которое «новые хозяева» не успели продать или пропить, было передано соседней коммуне «Красный труд». За этой историей внимательно наблюдали немцы всего сибирского региона и сделали для себя соответствующие выводы. В одном из обращений уполномоченного по делам меннонитов к властям говорилось: «Если возврат имущества и построек окажется невозможен, то прошу удовлетворить просьбу товарищества о поддержке его ходатайства о выезде за границу» [13].

Места компактного поселения немцев в регионе (Славгородский и частично Омский округ) были поражены жестокой засухой и неурожаем в 1922–1924 гг. Многих тогда удалось спасти от голодной смерти благодаря помощи меннонитов Канады, поставивших хлеб через AMP (Amerikan Mennonite Relief). Однако значение этой помощи было партийными органами преуменьшено. Немецкая секция Сибрайкома ВКП(б) преувеличивала свою собственную роль в вопросах борьбы с голодом в немецких селениях, а также роль комитетов крестьянской взаимопомощи [14].

Для получения объективной картины немецкого Славгородского окружкома ВКП(б) провела обследование, которое показало, что мощность немецких хозяйств в 1924 г. составила лишь 60% от уровня 1914 г. [15]. Славгородский же уездный исполком давал в 1925 г. немецким хозяйствам следующую оценку: «Мощность хозяйств их, в связи с постигшими неурожаями ряда лет, слаба, хотя по формам ведения хозяйства они и стоят на первом месте» [16].

Земельная реформа, проводившаяся в регионе с начала 20-х гг., практически не затронула немецкие колонии. Вплоть до 1928 г. в большинстве немецких сел, включая и Немецкий район, немцы владели своей землей, как и до революции, нанимая порой для сезонных работ в качестве батраков жителей окружных украинских и русских сел. Сибирские власти все еще называли немецкие колонии Омского округа в середине 20-х г. рабами для кулаков и землевладельцев, где сохранялась не только отрубная система землепользования в большинстве немецких сел, но и нелегальная покупка и продажа земли [17].

Добровольное кооперирование тоже шло, прежде всего, по национальному и конфессиональному признаку. Русские и украинские

крестьяне вели обычное сельское хозяйство. Меннониты же в первую очередь занимались производством семенного зерна и племенного скота, которые они продавали вновь создаваемым совхозам, государству, а также окружавшему населению. Многие меннонитские хозяйства имели удостоверения крестьян-культурников. Наподпускал определенную свободу, инициативу, самостоятельность в экономической сфере, что благотворно сказалось и на немецких хозяйствах.

В 1925 г. у меннонитов Омского округа посевная площадь составляла в среднем 10,6 десятины, у русских же – 3,2; крупного рогатого скота – на одно хозяйство было соответственно 7,3 и 4,1 головы [18]. За 1924–1926 гг. площади под семеноводство выросли у меннонитов в 13,5 раза, производство продукции – в 11,5 раза [19]. Сибирский крайисполком также отмечал, что и в целом по Сибири немцы имели «самое культурное хозяйство... Посев производили чистосортными семенами. Лучше качество скота. Все это вело к повышению продуктивности скота и повышению урожайности» [20]. Оснащенность техникой в немецких хозяйствах была в 2 раза выше, чем у окружавшего населения. Семена и племенной скот приносили доход в 2–3 раза выше обычного, что приводило к лучшему материальному состоянию и позволяло развивать социальную сферу. Такое положение создавало в глазах партийно-советского актива и части окружавшего населения впечатление, что все немецкое население (или значительная его часть) является кулацким и зажиточным, стремится отгородиться от своих соседей – не немцев. Однако в условиях нэпа допускалась известная экономическая самостоятельность, и конфликт в первые годы не принял крайний характер.

Совершенно другая ситуация сложилась в духовной сфере жизни немецких колонистов. Советское правительство издало 20 января 1918 г. Декрет «О свободе совести, церковных и религиозных обществах (Об отделении церкви от государства и школы от церкви)». Именно в вопросах религии и школьного образования наиболее остро проявлялся все годы конфликт советской власти с немцами. 3 марта 1920 г. Наркомпрос издал постановление о недопущении духовенства к занятиям в школе. Коллегия подотдела национальностей Славгородского уездного отдела народного образования (уно) приняла 10 августа 1920 г. постановление о «Строгое преследовании конфессионального характера немецких школ». Духовству предлагалось выбрать «между учительством и поповщиной и предоставить об этом документ» [21]. В немецких селах проповед-

ник и учитель был одним и тем же лицом. Церковь и школа, как правило, также находились под одной крышей. Кроме того, учитель-проповедник являлся еще и писарем в селе. Он был в курсе всех сельских событий, на его глазах проходила вся жизнь односельчан. Он регистрировал новорожденных и отпевал умерших. Проповедники обладали и большим духовным влиянием на людей. Был и еще один момент, который делал немцев полностью зависимыми от служителей культа. Для желающих выехать за границу требовалось удостоверение, в котором давалась характеристика на поведение семьи. Это были своего рода заключения о политической благонадежности, чистоте от большевистской заразы и т. д. В условиях нараставшего конфликта с советской властью и сообщений о фактах массовой эмиграции немцев из СССР, такие характеристики пасторов становились для многих немцев вопросом жизни и смерти.

Заведующий немецкой секцией Славгородского уно так характеризовал в октябре 1920 г. настроения немецкого населения: «Благодаря почти исключительно меннонитскому населению, упорно придерживающемуся своего вероучения, работа подотдела особо трудна. Проведение в немецкой школе принципов советской власти до сего времени мечта неосуществимая... Немецкая секция не может сказать, чтобы хоть в одной школе все обстояло благополучно. Обеспечивающее до максимума населением учительство покорно идет на поводу населения и выполняет все его требования, включительно до применения в школе давно запрещенных наказаний и преподавания Закона Божьего. Не подчинившиеся этому учителя оставались голодными и вынуждены были уходить. Немецкое учительство отличается несравненно большим политическим невежеством, чем русское, крайне косно и духовно бедно. Немецкую школу можно без риска назвать антисоветской» [22]. По оценке Славгородской немецкой секции уездного комитета РКП(б), 95% немецких учителей Сибири были заражены религиозной тенденцией, на 100% не имели понятия о советских трудовых школах и новых принципах воспитания [23].

Перед проведением летом 1923 г. в Омске губернских курсов учителей национальностей немецкая секция при Сиббюро ЦК РКП(б) давала следующую установку: «Учителям на конференции надо дать понять, что они в школе только учителя, а не проповедники. Если они и дальше будут вести пропаганду в урочное время, то их можно передать в руки закона как врагов советской власти, которые идут против декретов советского правительства» [24]. О том, что это была и партийно-правительственная позиция, однозначно следует из вы-

ступления В. Ленина 12 июня 1920 г.: «Чтобы каждый учитель... работал непременно в советском духе, чтобы он знал, что это его обязанность, чтобы он помнил, что если он не будет этого выполнять, то он не останется на месте» [25].

Противостояние не знало границ ни с той, ни с другой стороны. Немцы массово не пускали своих детей в школу. Партийные же органы, исчерпав лимит лояльных учителей, попадали в смешные ситуации. Рубцовский уоно назначил в с. Переменовка учителя, который сам был безграмотным [26].

Партийная позиция по отношению к учителю была выражена на 5-м Всесоюзном совещании немцев в ноябре 1924 г.: «Бороться не только за полную антирелигиозность преподавания в школе, но и за полный личный отрыв учителя от религии и с религиозной общиной. Каждый учитель должен быть активным антирелигиозником» [27].

Диаметрально противоположной была позиция самих немцев. Они негативно относились к назначаемым отделами образования учителям, считая, что те отчуждают детей от родителей, заставляют петь «Интернационал». Родители не покупали советские учебники, так как там был напечатан «Интернационал» и антирелигиозные стихотворения или рассказы. Если же такие учебники покупались, то из них вырывались соответствующие страницы. В Шумновке члены сельсовета были согласны уйти с работы, лишь бы не допустить создания советской школы в селе [28]. Выход был найден немцами в создании нелегальных школ (они создавались скрытно от властей), не зараженных атеизмом и коммунизмом. Мennonиты могли себе позволить содержать учителей из числа своих односельчан. Католики же и лютеране в силу недостатка свободных средств такую возможность имели не всегда и часто вынуждены были просто оставлять детей дома без образования, считая, что это лучше, чем атеистическая школа.

Об отношении к образовательным проблемам нацменьшинств достаточно откровенно заявил в 1925 г. заведующий отделом агитации и пропаганды Сибирского комитета ВКП(б) Ансон: «Внимание к работе просвещения среди нацменьшинств со стороны отделов народного образования, не говоря о других отделах, весьма и весьма скверное. Мы в первую очередь удовлетворяем всегда и всюду требования русских учреждений на открытие и развитие сети и снабжение преподавателей и только во вторую, а иногда и в третью очередь, оказываем помощь учреждениям национальных меньшинств» [29].

В январе 1925 г. в Москве состоялся Всесоюзный съезд меннонитских общин. В меморандуме, направленном в ЦИК СССР, предлагалось признать школу «нейтральной территорией, где изучаются науки без пропаганды за или против религии» [30]. Весной 1926 г. в Славгородском округе Сибири школу посещали лишь 27% немецких детей. На съезде меннонитских общин Славгородского округа в августе 1926 г. меннониты вновь предложили придерживаться меморандума о нейтральности школы. Однако власти были неумолимы [31].

Нараставшее в эти годы противостояние показало и полярность во взглядах на существовавшее положение вещей. Так, в Уставе ВМСХО было записано, что оно «имеет целью содействовать восстановлению, развитию и усовершенствованию меннонитского сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности, а также поднятию общего культурного уровня и благосостояния меннонитских сельскохозяйственных обществ и в связи с этим сельского хозяйства России вообще» [32]. То есть, сами меннониты считали, что могут служить образцом в восстановлении и дальнейшем развитии сельского хозяйства России. Секретарь же немецкой секции Славгородского окружкома партии Ф. Штегер в 1925 г. утверждал, что «меннонитское общество является школой обмана... Мы только тогда можем их поддержать, если они прекратят агитацию по расколу существующих кооперативов из меннонитов и колонистов» [33]. Дело в том, что меннониты оказывали адресную помощь крестьянам, умевшим хозяйствовать грамотно, знавшим, как работать с землей и скотом. Батракам и беднякам они кредитов и ссуд не давали, считая это бессмысленным растранижиравием средств, так как те не имели соответствующих навыков самостоятельного ведения хозяйства. Партийные же органы делали ставку именно на бедняков и батраков.

Проводившаяся в эти годы кампания по созданию национальных сельских советов и районов еще раз выяснила стремление немецких колонистов к самоизоляции, стремлению отгородиться от внешнего влияния. В период создания Немецкого района (1924–1927 гг.) инструктор ВЦИК Моравский в своем докладе в Москву отмечал, что «будущее немецкого района далеко жизнеспособнее всех других районов Славгородского округа. Немецкий крестьянин стоит и сегодня еще на большей хозяйственной высоте, чем русский крестьянин» [34]. В то же время Моравский отмечал, что немцы католики, лютеране и меннониты об объединении в один район не хотят даже

и слышать. Они опасались попасть под влияние одной конфессиональной группы. Другой причиной являлся страх перед некоторыми немецкими коммунистами-иностранными, проводившими в свое время проразверстку. Еще одной причиной было опасение, что власть в районе окажется в руках «чужих» — не из числа немцев. Примерами далеко ходить было не нужно. Так, на состоявшемся в Славгороде в октябре 1925 г. окружном съезде Советов из 104 делегатов было 48 русских, 42 украинца, 4 казаха и всего 3 немца (2,8%), хотя последние составляли 8% от населения округа [35].

Все 1920-е годы представительство немцев в партии было в регионе в три–четыре раза ниже, чем у русских и украинцев. В 1925 г. по всей Сибири числилось 214 коммунистов из числа немцев, значительную часть которых составляли бывшие военнопленные германской и австрийской армии. Только 34 являлись местными жителями [36]. По признанию немсекции Сибкрайкома ВКП(б), в меннонитском обществе партия никакого влияния не имела [37]. В Немецком районе на 13 тысяч человек немецкой национальности в 1927 г. приходилось 6 коммунистов (0,04% от населения района), все они работали в аппарате райкома партии и райисполкома [38]. В Москаленском районе Омского округа на 183 члена партии приходилось 8 немцев (2,8%). В Сосновской районной партийной организации из 81 коммуниста только 12 (14,8%) были немцами, в то время как они составляли в обоих вышеуказанных районах 42% населения [39]. Забегая вперед, следует отметить, что и в конце 1930-х гг. картина существенно не изменилась. В Сибири властным органам не удалось еще к предвоенным годам подготовить из подрастающего немецкого поколения опору и резерв. Имеющиеся у автора архивные материалы подтверждают очень низкий процент представительства немцев в партии и комсомоле. Постановление ЦК ВКП(б) от 7 апреля 1927 г. «О сектантстве» запрещало общинам иметь хозяйственные или культурные организации, владеть собственностью, обсуждать на собраниях экономические, политические и культурные вопросы, проповедники имели право проводить работу только в молитвенном доме. В письме от 10 августа 1927 г. Наркомпрос оценивал рост «подпольных» (то, что выше мы назвали «нелегальными школами») религиозных школ как «явное усиление борьбы с советской властью» [40]. 8 апреля 1929 г. ЦК ВКП(б) и СНК РСФСР приняли постановление «О религиозных объединениях», в ноябре 1928 г. Центральный совет Союза безбожников СССР обратился с призывом усилить антирелигиозную пропаганду среди наци-

меньшинств, чтобы ее масштабы достигли уровня этой работы среди русских уже в 1928–1929 гг. [41].

Антирелигиозная борьба принимала все более разнуданный и тотальный характер. Председатель Центрального Совета Союза безбожников Е. Ярославский (работавший ранее секретарем Сибкрайкома партии) заявил, что «мы организуем колхозы, это значит, что мы должны покончить с церковью, разоблачить священников как помощников и защитников кулака» [42]. Весной 1929 г. вступило в действие решение ЦК ВКП(б) и СНК СССР о системе наказаний за преподавание вероучений детям и подросткам, за религиозную и антисоветскую пропаганду. Среди мер наказания предусматривались принудительные работы, высылка, тюрьма и смертная казнь [43]. По немецким селам прокатилась волна антирелигиозных мероприятий. Секретарь Исиль-Кульского райкома партии писал в своем отчете после посещения немецкого села Моргенау: «Крепко сидит в головах бог. Когда я в своем докладе довольно основательно лягал богов, то один пожилой немец отчаянным голосом сказал “пошалуста, не трогайте пога, не надо трогать пога”, видимо, действительно стало невтерпеж» [44]. За религиозный уклон в преподавании только из школ Немецкого района в 1928–1929 гг. было уволено 15 учителей. В поселке Мирном общее родительское собрание решило закрыть школу и отправить учительницу в распоряжение райисполкома, так как им антирелигиозная школа была не нужна. Подобные решения были приняты еще в 8 немецких селах района [45].

Были закрыты религиозные журналы меннонитов (*Unser Blatt*) и евангелических лютеран (*Unsere Kirche*). Многие проповедники были брошены в тюрьмы, нескольких расстреляли. Надругательство над религиозными чувствами привело к серьезному усилению религиозного фанатизма, спайке различных слоев крестьянства. Владельцы сами себе осложнили работу по классовому расслоению немецкой деревни, особенно меннонитской. Непонимание религиозных особенностей привело к массовому беззаконному лишению избирательных прав середняков и бедняков, выбранных общинами к исполнению обязанностей проповедников. Хотя последние таковыми не являлись и к этой категории не могли быть причислены. Перешибы и головотяпство уполномоченных на религиозной почве в отношении немцев стали одной из главных причин эмиграционного движения сибирских немцев. Славгородский окружком партии отмечал осенью 1927 г.: «Стремление немцев-меннонитов эмигрировать за границу вызвано двумя желаниями: избавить секту от не-

минуемого развала и оберечь капиталистический уклад немецкого хозяйства от перехода его на социалистические рельсы» [46].

Каковы же были последствия такого противостояния? В вопросах образования это проявилось следующим образом. В Омском округе к 1928 г. число неграмотных немцев среди католиков и лютеран достигло 60–70% [47]. Как точно подметил Д. Брандес, «10 лет советской школьной политики привели к тому, что почти 50% немцев не могли ни писать, ни читать» [48]. Секретариат ЦК ВКП(б) также вынужден был признать в своем постановлении «Об итогах хозяйственного и культурного строительства в немецких колониях» от 12 апреля 1929 г., что «культурная работа в немецких колониях была поставлена недовлетворительно. Охват детей школьного возраста был ниже довоенного уровня. В сравнении с довоенным уровнем повысился процент неграмотных немцев» [49].

Сформировался стереотип, что большинство немцев являются кулаками, могут без государственной поддержки справиться с любыми налогами, задачами хозяйственного и культурного строительства, а это приводило к ошибочным решениям и программировало нарастание конфронтации. В 1928 г. бюро Сибкрайкома партии приняло постановление «О предварительном учете кулацких хозяйств, подлежащих обложению в индивидуальном порядке». Исходя из экономических предпосылок и степени расслоения деревни, бюро предложило в 1928–1929 гг. привлечь к индивидуальному обложению 5% кулацких хозяйств, а по Славгородскому округу, где значительную часть составляли немцы, – 9%, или 6500 дворов [50].

Что особенно бросается в глаза при анализе документов? В отчетах обязательно должны были присутствовать материалы о степени имущественного и социального расслоения крестьян. Они и присутствовали. Но относительно русских и украинских деревень. В справках о положении в немецких селах таких материалов не было. Партийные органы направляли одни и те же комиссии во второй, третий и четвертый раз, с прямой установкой выявить степень расслоения в немецкой деревне. Но каждый раз члены комиссий вынуждены были отмечать, что ими не установлено четкой границы между бедняками, середняками и кулаками. Батраков же в том понимании, как в русской деревне, в немецких селах не было вообще. Тем не менее, чтобы хоть как-то обосновать необходимость наименее стабильной коллективизации в немецкой деревне и создать иллюзию опоры, к «батракам» были «отнесены» 2945 немцев региона, среди немецкого населения было создано 30 групп бедноты [51].

По данным Сибкрайисполкома, кулаки составляли среди всего населения региона в 1929 г. 4,7% крестьянских хозяйств [52]. В немецких же колониях Омского округа к кулацким было отнесено 9% хозяйств. В Немецком районе к кулацким было отнесено 18% хозяйств [53]. При рассмотрении плана кооперативного строительства на 1929 г. Бюро Славгородского окружкома ВКП(б) приняло следующее решение: «Учитывая большой процент кооперирования Немецкого района, с одной стороны, и возможность снабжения сортовым зерном колхозов, с другой, считать возможным охватить коллективизацией и производственным кооперированием хозяйства Немецкого района на 100%, решительно не допуская при этом проникновения кулацких элементов в коллективные объединения» [54].

В данном случае партийные функционеры не увидели огромной разницы между добровольной немецкой кооперацией и теми колхозами, которые они начали насильственно насаждать. Трафаретное перенесение методов работы в русских и украинских селах на немецкие привело к серьезным негативным последствиям. Власти не учли, что расслоение в немецкой деревне было крайне незначительным. Но главное, они не смогли или не захотели вникнуть в особенности уклада и традиций немецкой общины, не увидели тесного переплетения религии с хозяйственным бытом, семейной и общественной жизнью, крепких родственных связей.

В Сосновке Омского округа из 200 дворов 153 имели родственные связи. В Николаевке Минусинского округа проживали 800 немцев. За все годы существования поселка немцы «ни в какие родственные связи с окружающим русским населением не вошли. В результате вся деревня в буквальном смысле слова перероднилась, переплелась плотной сетью родственных и бытовых отношений» [55]. Власти не сумели использовать в немецкой деревне свой излюбленный прием – натравить одних крестьян на других. Немецкое крестьянство консолидировалось и выступило единым фронтом.

Практическая реализация мероприятий советской власти не оставляет сомнений в целенаправленной дискриминации немецкого населения. Если в целом по Славгородскому округу сельхозналог для населения в 1929 г. вырос по сравнению с 1928 г. на 65,8%, то по Немецкому району – на 77%, для кулаков же – на 139% и середняков – на 146%. В Москаленском районе Омского округа сельхозналог был увеличен на 10%, а в 4 немецких селах – на 58,5% [56]. Во время хлебозаготовительной кампании 1929 г. власти применили 5-кратное обложение кулаков Немецкого района, что привело к

полному разорению их хозяйств. Индивидуально было обложено 152 хозяйства, более 500 платили добавленный сельхозналог [57].

Еще одной формой давления на крестьян было лишение избирательных прав. И здесь немцы оказались в неравном положении. Если в районах края число лишенных избирательных прав не должно было превышать по указанию Сибкрайкома партии 10%, то в Немецком районе права голосовать было лишено в 1929 г. 705 хозяйств, что составило более 22% от всех хозяйств района. В селе Дегтярка бывший батрак был лишен права голоса только за то, что после демобилизации из армии некоторое время жил на квартире брата-лишенца» [58]. Среди лишенных избирательных прав в Немецком районе 56,2% были наказаны как служители религиозных культов, 8% из них были осуждены к тюремному заключению [59].

Секретарь Славгородского окружкома ВКП(б) В. Конончук в отчете Западно-Сибирскому крайкому партии так характеризовал национальные особенности Немецкого района: «Она в том, что немецкий кулак имел и имеет колоссальную силу влияния на бедноту, середняка. Используя такую могучую силу, как религия, на службе которой стоят хорошие организаторы и агитаторы, хорошие массовики, чуткие по-своему политики. Нет людей, которые умели бы не навидеть классовой ненавистью кулака, способных повести за собой на строительство колхозов». Тем не менее он предлагал: «Надо бросить философию относительно якобы природной несоциалистичности немецкого бедняка и середняка... Надо организовать колхозы так, чтобы к 14-й годовщине Октября показать социалистическую Америку на нашей советской земле» [60].

Уже сам состав комиссий, беспрерывно работавших в немецких колониях, показывает, какое важное значение придавалось положению в немецкой деревне и особенно в Немецком районе. Как правило, их возглавляли ответственные работники ЦК ВКП(б), ВЦИК, отдельных комиссариатов. Почти 10 лет куратором Немецкого района являлся 2-й секретарь Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Сергеев. Он часто бывал в районе и близлежащих немецких селах и лично информировал секретаря крайкома Эйхе о происходивших в них процессах. Такой «чести» не удостаивались районы, не имевшие немецкого населения. Многочисленные комиссии вынуждены были признать, что в немецких деревнях отсутствуют социальные условия для обострения классовой борьбы, что у немцев жизнь организована и протекает совершенно иначе, чем в русской и украинской деревне.

Центральное бюро немецкой секции при ЦК ВКП(б) также отмечало, что «немецкое крестьянство с трудом поддается вовлечению в общую сельскохозяйственную кооперацию, в то время как в свои национальные и религиозные кооперативные объединения оно входит почти поголовно» [61].

Усиливавшееся сопротивление немецкого населения и нарастание эмиграционных настроений вызывали серьезную озабоченность высшего руководства страны. Проблема обострялась тем, что в это движение все больше втягивались русские крестьяне, а также представители ряда других народов. В Генеральное консульство Германии в Новосибирске все чаще обращались русские и украинские крестьяне с просьбой помочь им эмигрировать из СССР. Латыши и эстонцы также зондировали почву на предмет выезда целыми семьями на свою историческую родину. В такой обстановке пример немцев становился заразительным и власти отдавали себе в этом отчет. 12 апреля 1929 г. Секретариат ЦК ВКП(б) принял постановление «О работе среди немецкого населения». Секретариат признал повышение хозяйственно-культурной самодеятельности основной массы немецких крестьян и значительные достижения в деле подъема сельского хозяйства колоний. Наряду с тем, ЦК ВКП(б) отметил ряд недочетов, связанных в первую очередь с недостаточным вниманием к работе среди немецкого населения со стороны руководящих партийных и советских органов. Политическая и организационная работа среди основной массы немецкого крестьянства была признана совершенно неудовлетворительной. Особенно подчеркивалось отсутствие работы с беднотой и батрачеством, почти полное отсутствие роста партийных и комсомольских рядов из числа немцев. ЦК предлагал добиться решительного перелома в состоянии прежде всего идеологической и партийно-организационной работы в немецких колониях. С учетом хозяйственной самодеятельности немецкого крестьянства предлагалось охватить системой сельскохозяйственной кооперации уже к 1930 г. все массы немецкого батрачества и бедноты и большинства середняков, построить в районах немецких колоний ряд колхозов-гигантов и машинно-тракторных станций, а также развивать и укреплять специальные виды сельскохозяйственной кооперации [62]. И хотя постановление касалось немцев всего СССР, в нем особенно подчеркивалось тревожное положение среди сибирских немцев. И это соответствовало действительности, поскольку в этот период именно сибирские колонии доставляли руководству страны наибольшую головную боль.

Однако ужесточение курса колLECTivизации и сопутствующих ей идеологических мероприятий только укрепляло желание немцев вырваться из СССР за границу. Анализ материалов, собранных партийными работниками и спецслужбами в разгар эмиграционного движения в Сибири, позволяет назвать его главные причины:

1. Разрушение привычного хозяйственного уклада жизни немцев, базировавшегося на владении землей, индивидуальном семейном ведении хозяйства с сезонным применением наемных работников. Характерным был лозунг: «Лучше смерть, чем колLECTивы!» Нежелание объединяться в одних колхозах с русскими крестьянами, которые, по мнению в первую очередь меннонитов, не имели достаточной дисциплины, старательности и навыков ведения сельского хозяйства. Боязнь оказаться в подчинении русских начальников.
2. Протест против притеснения религии, запрета преподавания Закона Божьего в школе.
3. Уверенность, что колLECTivизация и советские преобразования приведут к уничтожению традиционной патриархальной немецкой семьи.
4. Все более отчетливое понимание многими немцами, что у них нет никакого национального будущего в СССР, протест против насилия и внедрения русского языка в школах. Очень часто встречались высказывания типа: «Особенно советская власть притесняет нас, немцев, мы в России пасыни и поэтому хотим уехать к нашим братьям за границу».

Секретарь Славгородского окружкома партии Конончук следующим образом оценивал роль немецких кулаков в эмиграционном движении: «Он дал нам такую политическую пощечину, куда сильнее по своему действию, чем тяжелая утрата отдельных активистов деревни от кулацкого обреза. Кулацкий террор чепуха по сравнению с тем, какую политическую агитацию провел немецкий кулак, имеющий не только идейную, но и организационно-политическую помощь от американского капитализма. Организовать и повести за собой в Америку на 13-м году советской власти батрацкие и бедняцко-середняцкие массы куда сложнее, чем подстрелить темной ночью одиночку активиста» [63]. В этой оценке удивляет полное отсутствие заботы о людях и их судьбах. Присутствует лишь голая идеология.

Какие представления о немцах существовали среди руководства и населения, правильно подметил представитель ВЦИК, зам. наркома просвещения РСФСР В. Курц, совершивший ранней весной 1930 г. инспекционную поездку по немецким колониям. В своих впечатлениях в Сибири он среди прочего отмечал: «Обычной меркой для по-

хода к немецкому крестьянству служит установка, что все немецкие крестьяне являются кулаками. Не умеют отличить культурный уровень немецкого крестьянства от русского крестьянства и в соответствии с этим дифференцировать свою работу. Существует также предрассудок, что немецкое крестьянство сплошь контрреволюционно». В отношении школы В. Курц писал в своих отчетах: «Если в Славгородском округе мы встречаем немецкую школу, то уже в Омском округе немецкой школы, как таковой, нет. Школы в немецких селах являются по существу русскими школами с преподаванием немецкого языка как предмета» [64].

Исчерпав все легальные методы борьбы за право эмигрировать, немцы организовали в Гальбштадте 2 июля 1930 г. восстание. Немцы пытались вовлечь в него население окрестных русских и украинских сел, послав в них гонцов за помощью. Выступление против органов власти было подавлено вооруженным отрядом ОГПУ. Большое число участников этих событий было приговорено к различным срокам тюремного заключения, 5 человек были расстреляны 22 октября 1930 г. в Славгородской тюрьме. Среди них три немца, один русский и один украинец. В 1937–1938 гг. абсолютное большинство участников Гальбштадтского восстания (списки хранились в НКВД) были репрессированы [65].

В условиях проводившейся коренизации в немецких селах и особенно Немецком районе оказалось достаточно много русских «изменцев» с семьями. Между ними и местным населением возникали порой недоразумения, вокруг которых раздувался ажиотаж. В Немецком районе партийная контрольная комиссия постановила в ноябре 1931 г. «вести жестокую борьбу против проявления национального шовинизма к работающим русским специалистам» [66].

Необычайно упорное и отчаянное сопротивление немцев политике советских преобразований, эмиграционное движение, апеллирование к Западу усилили к ним антипатию со стороны правящего режима и части окружавшего населения, как к нелояльной части населения. Обострение же отношений СССР с Германией только укрепляло предубеждения против немцев страны и Сибири. В 1933 г. в СССР были закрыты все концессии с участием германского капитала. Их персонал в основном состоял из немцев СССР, потерявших таким образом работу. В 1934 г. был составлен список оборонных предприятий, куда запрещалось принимать лиц «нежелательных» национальностей, к которым относились и российские немцы. За принятыми ранее был установлен особый контроль [67].

Репрессии против немецкого населения и немецкой школы в целом по стране и в Сибири в период 1933–1939 гг. лучше понять, когда их рассматриваешь через призму шифровки ЦК ВКП(б) от 4 ноября 1934 г. «О работе среди немецкого населения» [68]. Она была прямой реакцией руководства СССР на приход в Германии к власти нацистов в январе 1933 года. В документе говорилось о том, «что в районах, населенных немцами, за последнее время антисоветские элементы активизировались и открыто ведут контрреволюционную работу». Немецкое население обвинялось в нарушении элементарной лояльности к советской власти. ЦК ВКП(б) считал также совершенно недопустимым тот факт, что «в немецких районах не только не изучается язык той союзной республики, в пределах которой находятся немецкие районы, но игнорируются указания ЦК ВКП(б)», и требовал, чтобы этот недостаток был устранен. О том, как этого следовало добиться, было сказано предельно четко: «Принять по отношению к активным контрреволюционно и антисоветски настроенным элементам репрессивные меры, привести аресты, высылку, а злостных руководителей приговорить к расстрелу». Выдвигалось требование прекратить любые контакты с заграницей, в том числе и с родственниками. Немцам угрожали также запретом проживать в СССР и изгнанием за пределы страны. Последнее заявление было особенно циничным и ложным, поскольку сотни тысяч немцев пытались вырваться из СССР и их силой удерживали в стране.

13 ноября 1934 г. Западно-Сибирский крайком партии продублировал это решение и составил подробнейший план мероприятий, согласно которому проверке на лояльность были подвергнуты все взрослое население региона и школьники. Особый удар, по традиции, был нанесен по Немецкому району. Эта кампания совпала с другой – нараставшей борьбы с «гитлеровской помощью». Одним из последствий коллективизации было обнищание немецких крестьян Сибири и существование их на грани голода. Родственники и благотворительные организации Германии слали деньги, посылки с продуктами, вещами. Немцы, по наивности, считали, что деньги они и есть деньги, а шоколад или печенье тоже таковыми являются и имеют только один характер – благотворительный. Власти же все это называли «гитлеровской и контрреволюционной буржуазной помощью», направленной на дискредитацию и подрыв социалистического строя и подвергали ее получателей жестоким преследованиям.

Для проверки работы советов Немецкого района приехал инструктор Президиума ВЦИК Селиванов. С конца 1934 г. одни краевые и московские комиссии сменяли другие. В августе 1935 г. Президиум ВЦИК заслушал вопрос о хозяйственном и культурном строительстве в Немецком районе. В немецкой колонистской деревне обнаруживается уже в 1934 г. гораздо больше «классовых врагов, вредителей, саботажников и контрреволюционеров», чем в окружающих русских, украинских или белорусских селах [69].

Как и прежде, особое внимание уделялось школе. По традиции пелись идеологические проблемы и вопросы обучения русскому языку. Согласно справке крайконо, в немецком районе вопросы образования находились вне партийного контроля, в школах открыто проповедовались религиозные настроения и национализм, русский язык преподавался неудовлетворительно. Среди детей имели место «антисоветские настроения», что проявлялось в пении контрреволюционных песен, искажении пролетарского гимна, выкалывании глаз на портретах руководителей партии и государства, 26% учителей были отнесены к выходцам из «социально-чуждой» среды. То, что функционеры называли контрреволюционными песнями, на самом деле являлось немецкими народными или религиозными песнями. К примеру, «О Таненбаум». Так это расценивали и сами немцы.

Чистки в Немецком районе еще раз убедительно показали, как можно перевернуть с ног на голову любую проблему. Из 28 учителей русского языка 27 были немцами, которые очень плохо знали русский язык, но вынуждены были его преподавать, так как обученных учителей русского языка массово не хватало в русских населенных пунктах, и органы народного образования не в состоянии были решить вопрос о направлении таковых еще и в немецкие села. Таким образом, общие для всей страны проблемы и недоработки органов народного образования в отношении немцев искусственно наполнялись «профашистским содержанием» только из-за того, что немцы Сибири идентифицировались с фашистским режимом Германии. К концу 1934 г. в Немецкий район было прислано 11 русских комсомольцев для преподавания русского языка. Однако обученными учителями русского языка из них являлись лишь 3, но в данном случае важно было лишь то, что они относились к титульной нации и были комсомольцами, лояльными режиму [70].

С начала 1935/36 учебного года во всех немецких школах Сибири были введены штатные ставки учителей русского языка из числа русских, они же должны были в обязательном порядке назначаться

ся заведующими по воспитательной работе при директорах школ — немцах. В их функции, помимо учебных, входило информировать органы власти и спецслужбы обо всем, что происходило в немецких школах. О степени доверия к немецким кадрам в данном случае говорить не приходится [71].

27 марта 1935 г. Немецкий райком партии обсуждал вопрос «О фактах проявления шовинизма в Гальбштадтской неполной средней школе»; 20 декабря 1935 г. — «О гонении на пионеров в с. Красный Дол». В районном центре Гальбштадт проживали русские, которые были направлены в 30-е гг. на руководящие посты в Немецком районе. Их дети посещали школу вместе с детьми немцев. По мнению этих руководителей района (одновременно являвшихся родителями своих детей), «шовинизм» проявлялся в том, что русские и немецкие дети не играли друг с другом, русские дразнили немцев, говорили, что все немцы плохие, с ними нельзя играть, те в свою очередь начинали драться. Русские якобы получали завтраки в последнюю очередь, говорили, что кушают обедки немцев. Одна из пионервожатых не знала немецкого языка, работала только с русскими детьми. Руководству школы было приписано проявление к пионервожатой «шовинистического отношения». Оно «проявилось» в том, что ей на несколько дней задержали выдачу денег (зарплату не получали все по 2–3 месяца из-за отсутствия денег. — В. Б.), составили неудобное расписание, вследствие чего она не имела времени на внеклассную работу. За эти «преступления» директор школы Битнер был снят с работы, его вывели из состава пленума Немецкого райисполкома, в школу послали бригаду проверяющих. В селе Красный Дол родители сняли с сына пионерский галстук и запретили его впредь носить. Такой поступок родителей был расценен как «антисоветская вылазка», в селе работала комиссия, во всех селах сельского совета были проведены обсуждения данного «инцидента» [72].

События 1937–1938 гг., касавшиеся немецкого населения Сибири, нельзя рассматривать как случайное стечание обстоятельств. Если в русской или украинской деревне нужно было придумывать повод для арестов, фантазировать насчет «иностранных агентов», то в немецкой деревне все было заранее ясно. Кто не знал здесь «зарубежного языка», да еще и немецкого? Кто не имел родственников за границей, да еще и в Германии, Канаде или США, не получал оттуда посылок, писем или денег? Кто не участвовал в эмиграционном движении? Кто не жил выше среднего российского уровня, не имел сельскохозяйственных машин или наемных работников

и не мог быть привлечен как кулацкий, фашистский, буржуазный или какой там еще неугодный элемент [73].

Поэтому вполне закономерно, что размах репрессий против немцев был именно в Сибири необычайно большим, а доля репрессированных немцев была необычайно высока. Автору этой статьи, а также Л. Белковец, О. Гербер, И. Шелленбергу уже приходилось и ранее писать об этом на основе документов. Кроме того, я не раз утверждал, что в репрессивной практике широко использовалась и проводилась «немецкая линия» [74]. К сожалению, это вызывает до сих пор непонимание и недоверие у многих исследователей, занимающихся «немецкой темой». Такая ситуация может быть вызвана следующими причинами.

Размах репрессий против немцев в Сибири был настолько чудовищным, что в это действительно трудно поверить. Многие деревни прекратили свое существование, потому как мужчины были все репрессированы, а женщины, собрав детей, уехали от ужаса в другие районы страны. В других регионах, имевших немецкие колонии, исследователи в силу разных причин не изучили архивы бывшего КГБ (НКВД), из которых только и можно узнать данные о репрессиях. (Лишь в книге В. Ченцова [75] приводятся обобщающие данные по репрессированному немецкому населению Украины, но, к великому сожалению, без сравнительных элементов.) Кроме того, они не учили, что даже в таком тоталитарно-центристском режиме было много особенностей, обусловленных объективными и субъективными причинами. В соседних Новосибирской и Омской областях, Алтайском крае репрессии против немцев имели совершенно разный характер и интенсивность. Так, в Новосибирской области число немцев было незначительно (около 8000) и в несколько раз меньше, чем в Омской области (около 40 000). Тем не менее число осужденных в Новосибирской области оказалось более чем в 5 раз выше, а число расстрелянных — более чем в 20 раз выше, чем в Омской области. По еще не полным данным, в 1937–1938 гг. в Омской области было «осуждено» 539 немцев, в том числе к высшей мере наказания — 128. В Новосибирской же области соответственно 2645 и 2548. В Алтайском крае проживало около 30 000 немцев. «Осуждено» было 3171 немец, в том числе 2412 к высшей мере наказания. Думаю, наш спор завершит публикация Н. Охотина и А. Рогинского [76]. Она полностью подтверждает наши (Л. Белковец, О. Гербер, И. Шелленберг, В. Бруль) данные и, что особенно важно, наши гипотезы и выводы. Об этом же говорится и в издающемся на Алтае многотомнике с поименным

перечислением всех репрессированных, с основными биографическими данными и указанием национальности [77].

Набиравшая темпы унификация и русификация всех сторон жизни привела к ликвидации национальных районов и сельских советов, фактическому запрету на получение образования на родном языке (в отношении немцев исключением оставалась до августа 1941 г. АССР НП). В Алтайском крае запрет на национальные школы был в 1938 г. распространен на немецкие (87 школ, 5933 ученика), эстонские (2 школы, 156 учеников), корейские (1 школа, 25 учеников). Это были народы, имевшие еще и так называемую «буржуазную родину» за границей. В названных школах работало 169 учителей, из них 42 было в дальнейшем запрещено работать в школе [78]. В пользу тезиса о преследовании народов с так называемыми «двумя родинами» говорит и то, что в том же Алтайском крае в конце 1939 г. продолжали работать 42 казахские школы, 6 татарских, 5 мордовских, 1 телеутская, 1 чувашская, 7 алтайских. Эти народы тоже имели две родины, однако в пределах СССР [79].

24 января 1938 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О реорганизации национальных школ», в котором говорилось, что национальные школы превратились в «очаги буржуазно-националистического влияния на детей», наносят огромный вред делу правильного (выделено мною. — В. Б.) обучения и воспитания. Постановление предписывало реорганизовать национальные школы в школы обычного типа с преподаванием на русском языке. Во исполнение данного решения Оргбюро ЦК ВКП(б) по Алтайскому краю принял 13 февраля 1938 г. постановление «О реорганизации национальных школ». В нем говорилось: «Враги народа из троцкистско-бухаринского лагеря и националистические элементы, извращая единственно правильную национальную политику нашей партии, искусственно насаждая национальные школы, распространяли в них вражеское влияние. Малочисленные национальные школы нашего края (немецкие, эстонские, корейские и др.), огражденные от контроля и руководства со стороны партийных и советских организаций, наносили огромный вред делу обучения и воспитания советской молодежи. Существовавшая система воспитания и обучения в национальных школах края создавала нейзбежные затруднения для молодежи к дальнейшему повышению своего политического общеобразовательного уровня, преграждала путь к более активному участию в социалистическом строительстве, затрудняла дальнейшее продвижение на руководящую государственную и другую работу» [80].

Все рукоделящие работники школ немецкой национальности были заменены на русских. В очередном постановлении «О подготовке школ к новому учебному году» Алтайский крайком партии назвал своей боевой задачей «ликвидацию последствий вредительства фашистских мракобесов в области преподавания русского языка» в национальных школах [81]. То, что в первую очередь имелись в виду немецкие школы, не требует доказательства.

Автор книги «История села Подсосново» И. Шелленберг является очевидцем истории немецких сел Славгородского округа с конца 20-х годов. Он родился и вырос в Немецком районе. Работал учителем в немецких школах, был исключен из комсомола, чудом избежал ареста, прятался неделями у родственников в соседних селах, пока прошла очередная волна арестов. Он рассказывает, что после принятия решения о закрытии немецких школ и перевода их на русский язык по немецким селам ездили работники Алтайского края и проводили работу с учителями школ. Во время одного из таких собраний был задан вопрос, в чем же истинный смысл запрета преподавания немецкого как родного. Работниками края был дан ответ, что есть твердое мнение, что чем меньше немецкое население будет знать родной язык, тем меньше шансов у Гитлера внедрять и расширять свою шпионско-разведывательную сеть в среде немецкого населения Сибири.

Плохое знание немцами русского языка не следовало особо выличивать и ставить им в вину при том уровне общей грамотности, который имелся в стране в целом и в Сибири в особенности. В Алтайском крае в 1938 г. среди секретарей райкомов партии 82% имели низшее образование, среди инструкторов же — 97%. Орган райкома партии газета «Сталинский путь» в одном только номере от 3 марта 1938 г. допустила 134 грамматические ошибки [82].

В результате волевых решений по немедленному и быстрому переводу немецких школ на обучение на русском языке проиграли все. Проверки в Алтайском крае в октябре 1939 г. показали, что не хватало учебной литературы, учителей, имевшиеся были перегружены работой. Большинство детей совершенно не знали русского языка и нуждались в предварительной подготовке, однако с первого дня обучение велось лишь на русском языке. В Локтевской школе в диктанте из 110 слов немецкие дети делали до 123 ошибок. Неудивительно, что многие немецкие школьники теряли интерес к учебе и бросали школу. Только из Гальбштадтской школы по этой причине в течение 1939 учебного года выбыло 25 школьников [83].

При решении проблем немецкого населения партийно-советские органы постоянно оказывались в двойственном положении. Немцы ставили в пример как трудолюбивых и культурных работников, добивавшихся хороших результатов в сельском хозяйстве. И в этом смысле было заманчиво привлечь их на сторону советской власти и использовать в целях пропаганды как образец для других народов. Однако методы ведения немцами хозяйства расходились с идеологическими доктринальными большевиков, рассматривались ими как капиталистические. К концу 20-х гг. политические доктрины большевиков взяли верх над экономической разумностью и целесообразностью. В масштабах всей страны это выразилось в свертывании нэпа. В отношении немцев с различной степенью интенсивности и изощренности стали проводиться мероприятия по их нивелировке, «выравниванию» с другими народами. Более высокий (по российским меркам) уровень жизни немецких колоний, определенная их самоизоляция, стремление быть независимыми, сохранить свой экономический, религиозный и национальный уклад жизни, постоянная готовность эмигрировать, прочные связи с родственниками за границей только осложняли положение немцев и создавали им имидж нелояльной и даже реакционной части населения, настроенной против советской власти. Нарастание же конфликта с гитлеровской Германией довело такие настроения до крайней формы. Глубинные и истинные нужды и запросы немцев властным структурам были непонятны, а зачастую и враждебны, рассматривались как узконационалистические и реакционные. В этом смысле нельзя рассматривать случившееся с немецким населением, как цепь роковых случайностей. Их жизнь проходила в русле тех закономерностей, которые были предписаны центральными и региональными органами власти.

Примечания

1. Фаст Вильгельм Генрихович, из семьи репрессированных немцев. В 1990 гг. – председатель комиссии по реабилитации жертв политических репрессий в администрации Томской области.
2. См.: Советская Сибирь. Новосибирск. 1921. 23 апреля.
3. См.: Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-125. Оп. 122. Д. 5. Л. 19–20.
4. См.: Центр хранения архивного фонда Алтайского края (далее – ЦХАФАК). Ф. П-38. Оп. 2. Д. 180. Л. 34–40.
5. См.: Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО). Ф. П-3. Оп. 2. Д. 595. Л. 1. (Особая папка).
6. См.: Alfred Eisfeld, Victor Herdt. (HRSG): Deportation, Sondersiedlung, Arbeitsarmee. Deutsche in der Sowjetunion 1941 bis 1956. Köln 1996. S. 45–6.

7. См.: ЦХАФАК. Ф. п. 37. Оп. 2. Д. 144. Л. 18.
8. См.: Там же. Ф. п. 2. Оп. 4. Д. 398. Л. 51.
9. ГАНО. Ф. п. 2. Оп. 2–1. Д. 2429. Л. 4.
10. См.: ЦХАФАК. Ф. п. 38. Оп. 2. Д. 180. Л. 79.
11. ГАНО. Ф. 537. Оп. 1. Д. 3. Л. 27. Коллекция воспоминаний немцев-крестьян о жизни до революции в Сибири, гражданской войне, колективизации и колхозном строительстве. Собрана Л.В. Малиновским.
12. Государственный архив Омской обл. (далее – ГАОО). Ф. 209. Оп. 1. Д. 701. Л. 48.
13. Там же. Л. 48–50, 64–66.
14. См.: ГАНО. Ф. п. 2. Оп. 1. Д. 338. Л. 6.
15. См.: Там же. Ф. 47. Оп. 1. Д. 269. Л. 49.
16. Обзор деятельности Славгородского уездного исполнительного комитета Советов и окружной комиссии по районированию. Славгород, 1925. С. 7.
17. См.: ГАНО. Ф. п. 2. Оп. 2. Д. 1643. Л. 49.
18. См.: Малиновский Л. Немцы в России и на Алтае. Барнаул, 1995. С. 116.
19. См.: Соколов А. Красный немецкий скот в Омской губернии. Омск, 1926. С. 67.
20. ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 96. Л. 161.
21. ЦХАФАК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 3. Л. 155 об.; Черказьянова И.В. Немецкая национальная школа в Сибири (конец XIX в. – 1938 г.). Дис... канд. ист. наук. Омск, 1998. С. 127.
22. См. Черказьянова И.В. Немецкая национальная школа в Сибири... С. 110; ГАОО. Ф. 318. Оп. 1. Д. 517, Л. 16–16 об.
23. См.: ГАНО. Ф. п. 1. Оп. 1. Д. 1712. Л. 3; А. И. Савин. Борьба за будущее. Немецкие школы Сибири и политика советизации колоний в 1920-е годы // Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения. М. 1996. С. 411.
24. Черказьянова И.В. Немецкая национальная школа в Сибири... С. 114; ГАНО. Ф. п. 1. Оп. 1. Д. 1622. Л. 8.
25. В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 150.
26. См.: Черказьянова И.В. Немецкая национальная школа в Сибири... С. 129.
27. ЦХАФАК. Ф. 2. Оп. 4. Д. 213. Л. 4.
28. См.: Черказьянова И. В. Немецкая национальная школа в Сибири... С. 130.
29. Гербер О.А. Материальная база школьного образования сибирских немцев (1920–1935 гг.) // Российские немцы. Проблемы культуры и образования. Новосибирск, 1996. С. 108.
30. Рейнмарус А., Фризен Г. Меннониты. М. 1930. С. 83.
31. См.: Черказьянова И.В. Немецкая национальная школа в Сибири... С. 132.
32. ЦХАФАК. Ф. п. 38. Оп. 2. Д. 180. Л. 78.
33. Там же. Д. 2. Л. 31, 36.
34. ГАНО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 269. Л. 56.
35. См.: Славгородский окружной съезд Советов 1-го созыва (28–31.10.1925 г.). Резолюции и постановления съезда. Славгород, 1925. С. 18.
36. См.: ЦХАФАК. Ф. п. 38. Оп. 2. Д. 2. Л. 31, 36.
37. См.: Там же. Ф. п. 47. Оп. 1. Д. 358. Л. 57, 58.
38. См.: Там же. Ф. п. 38. Оп. 4. Д. 75. Л. 6.
39. См.: ГАНО. Ф. п. 2. Оп. 2. Д. 470. Л. 11.
40. См.: Черказьянова И.В. Немецкая национальная школа в Сибири... С. 132, 133.
41. См.: ГАНО. Ф. п. 2. Оп. 2. Д. 3262. Л. 47.
42. Антирелигиозник. 1929. № 6. С. 112.

- Приложение – Продолжение
43. Собрание узаконений и распоряжений РСФСР. М. 1929. № 353.
 44. Белковец Л.П. «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири (конец 1920-х – 1930-е годы). М. 1995. С. 35, 36.
 45. См.: ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 96. Л. 159.
 46. ЦХАФАК. Ф. п. 38. Оп. 4. Д. 75. Л. 13.
 47. См.: Центр документации новейшей истории Омской области (далее – ЦДНИОО). Ф. 7. Оп. 3. Д. 1. Л. 32.
 48. Brandes D. Ein «Kulakenaufstand» im sibirischen Halbstadt? // Forschungen zur Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen. 1994. N. 4. Essen. S. 99.
 49. Из истории немцев Казахстана 1921–1975: Сборник документов. Алматы. Москва. 1997. С. 27.
 50. См.: ЦХАФАК. Ф. п. 38. Оп. 5. Д. 10 а. Л. 249, 250.
 51. См.: ГАНО. Ф. п. 2. Оп. 2. Д. 2430. Л. 24, 25.
 52. См.: Там же. Ф. 47. Оп. 1. Д. 1167. Л. 30.
 53. См.: ЦДНИОО. Ф. 7. Оп. 5. Д. 53. Л. 511; ЦХАФАК. Ф. п. 38. Оп. 4. Д. 75. Л. 44.
 54. ЦХАФАК. Ф. п. 38. Оп. 5. Д. 10 а. Л. 49.
 55. См. Белковец Л.П. «Большой террор»... С. 129; ГАНО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 1161. Л. 79.
 56. См.: ГАНО. Ф. п. 2. Оп. 2–2. Д. 470. Л. 30, 32–34.
 57. См.: Там же. Ф. 47. Оп. 1. Д. 1164. Л. 211 об.
 58. См.: Там же. Л. 114.
 59. См.: ЦХАФАК. Ф. п. 38. Оп. 4. Д. 56. Л. 175.
 60. Там же. Д. 75. Л. 7.
 61. Малиновский Л.В. На волне революции // Алтайская правда. Барнаул. 1988. 14 сент.
 62. См.: Из истории немцев Казахстана... С. 26–27.
 63. ЦХАФАК. Ф. п. 38. Оп. 4. Д. 75. Л. 2.
 64. ГАНО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 846. Л. 309–310; ГАОО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 384. Л. 40–41.
 65. См.: Центр хранения специальной документации Алтайского края. Ф. п. 2. Оп. 1с. Д. 18479. Л. 1–599.
 66. ЦХАФАК. Ф. 1892. Оп. 1. Д. 6. Л. 78.
 67. См.: Хаустов В. Репрессии против советских немцев до начала массовой операции 1937 г. // Наказанный народ. М. 1999. С. 75–83.
 68. См.: ГАНО. Ф. п. 3. Оп. 2. Д. 595. Л. 14, 14а. (Особая папка).
 69. Белковец Л.П. «Большой террор»... С. 204.
 70. См.: ЦХАФАК. Ф. п. 1892. Оп. 1. Д. 16. Л. 14; Д. 20. Л. 45.
 71. См.: ГАНО. Ф. п. 61. Оп. 1. Д. 1323. Л. 56.
 72. См.: Бруль В.И. Немцы в Западной Сибири. Ч. 1. Топчиха 1995. С. 162. Черказьянова И.В. Немецкая национальная школа в Сибири... С. 145.
 73. См.: Малиновский Л.В. Немцы в России и на Алтае. С. 134–135.
 74. См.: Белковец Л.П. «Большой террор»...; Бруль В.И. Немцы в Западной Сибири. Ч. 1; Он же. Из исторического наследия и этнического прошлого алтайских немцев // Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения. М. 1996; Он же. Материалы архивов Западной Сибири о судьбе немецкого населения региона в 1920–1950 гг. // Российские немцы. Историография и источниковедение. М. 1997.; Гербер О.А. Этническая чистка в Сибири (1934–1935 гг.) // Из прошлого Сибири. Вып. 2. Ч. 2. Новосибирск, 1996; Шелленберг И.И. История села Орлово. М. 1996.
 75. См.: Ченцов В.В. Трагические судьбы. М. 1998; Он же. Проблема политических репрессий против немцев Украины в свете документов НКВД //

- Вопросы германской истории. Немцы в Украине. Днепропетровск, 1996. С. 164; См. также: Мамед Джадарли. Политический террор и судьбы азербайджанских немцев. Баку, 1998. Приводятся данные о репрессированных в немецких колониях Азербайджана.
76. См.: ГАНО. Ф. п. 3. Оп. 2. Д. 595. Л. 1 (Особая папка); Alfred Eisfeld, Victor Herdt. (HRSG): Deportation, Sondersiedlung, Arbeitsarmee. S. 45; Охотин Н., Рогинский А. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. // Наказанный народ. М. 1999. С. 35–74. Численность немцев в названных регионах дается оценочно на основании данных НКВД за 1934 и 1941 гг., так как более точные данные о немцах в этих административных единицах по состоянию на 1937/38 год до настоящего времени неизвестны.
 77. См.: Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. Т. 1. Барнаул, 1998; Т. 2. Барнаул, 1999.
 78. См.: ЦХАФАК. Ф. п. 1. Оп. 1. Д. 180. Л. 7, 8.
 79. См.: Там же. Д. 303. Л. 98.
 80. См.: Там же. Д. 23, Л. 175.
 81. См.: Там же. Л. 407 об.
 82. См.: Там же. Д. 98. Л. 52, 90; Д. 97, Л. 125, 139.
 83. См.: Там же. Д. 303, Л. 88–91.